

РАССКАЗЫ

ГОСУДАРСТВО

Первым в этом новом городе, как и полагается, на самом видном месте появился трон правителя, чтобы все видели, кто в доме хозяин. С него все и началось. Трон вырезали из цельного куска камня порфирного цвета, взятого из местных каменоломен. Строгие классические линии, никаких излишеств в формах. Символ власти всем сразу бросался в глаза, и на него поглядывали с опаской и уважением. Но самое главное в государстве — это не наличие самого по себе порфиросного трона, а то, кто на нем сидит. На этом троне тогда восседал всеми уважаемый человек, загадочно именуемый «Философом». Загадочно, а потому вдвойне уважаемо. Пока город строился, трон руководил строительными работами, по завершению которых он издал необходимые для наведения нужного порядка законы. Ведь трон без закона и порядка никому не нужен. Он без них — простой музейный экспонат.

Итак, в некие классические античные времена, где-то на лазурном побережье Сицилии, посередине только что отстроенного белокаменного города, стоял трон, на котором кто-то сидел. Сидел и думал о делах своих праведных и о том, как неправильно устроен весь остальной мир и что он теперь непременно сумеет изменить его к лучшему... Тот, кто сидел на троне, думал, что он правит. Он тогда еще не догадывался о том, что на самом деле им правят другие...

Усталый от праведных трудов Философ величественно восседал на троне, а перед ним простирался только что основанный им прекрасный город с идеальной архитектурой и с идеальным правосудием. От всех построек веяло новизной: жилища, дворцы, храмы, парки и сады — все было только что воздвигнуто, приколочено и посажено. Был тот весенний месяц, когда на острове цвели розы, благоухание которых ощущалось повсюду. Их ароматом было пропитано все — даже сама одежда и тело горожан, казалось, пахли этим божественным цветком.

Уверенный в себе Философ пребывал в благостном настроении духа и думал: «Как прекрасно это мое новое творение! В нем все только нужное и ничего лишнего! Все устроено правильно и по справедливости. Мой город — мое государство!»

Перед ним стояла принесенная накануне мраморная стела в форме щита, на которой был искусно изображен герб города — стоящий на задних лапах лев, который в своих передних лапах держал вырванное им из собственной груди сердце, и девиз: «Семья превыше всего».

— И почему я согласился назвать свой город «Сердцем льва» или, нет, «Львиное сердце»? — пожимал он плечами. — Кто надоумил меня это сделать? На местном диалекте это название звучит как «Куоре ди Леоне» («Cuore di Leone») ... Красиво... Я бы тоже посоветовал кому-нибудь так назвать их новый город... Отважно... Мужественно... Солидно...

Павел Леонидович Вялков родился в 1966 году в Астрахани. Выпускник исторического факультета Астраханского государственного университета. Преподаватель, профессор, доктор философских наук. Живет в Астрахани.

Откуда взялись все эти люди, которые ныне проживают в его славном городе и считаются его гражданами? Их ему великодушно одолжил правитель Сиракуз и вся Сицилии властитель Дионисий: «На бери и владей ими во славу!» — широким щедрым жестом отдал он их ему для его эксперимента по созданию идеального города-государства. И философ взял их, и привел сюда, и построил на этом месте свой славный новый град. И вот когда строительные работы были практически уже завершены, настало время вводить справедливые законы и устанавливать правильные политические порядки.

— Я им построил прекрасный город, я им написал прекрасные законы, самые совершенные на этом свете. В истории ничего до них не было лучшего, да и после вряд ли будет. Потратил кучу времени и папируса, а они... А они принесли мне какой-то свой собственный свод правил... Всего из пяти статей... — Философ достал небольшой свиток и, развернув его, тяжело вздохнул. — Ну, с первой их статьей я еще кое-как могу согласиться: «Полис (город-государство) есть одна большая семья, в которой действует круговая порука, и есть только одна причина покинуть его — это смерть...» Мрачно-вато как-то звучит, но такова, как они говорят, их древняя традиция... Ладно... Пусть будет так... Традиции надо уважать. Вторая статья тоже весьма своеобразна: «Обидчик одного члена полиса обижает весь Полис...» Эдак из-за любого пустяка у нас будут каждый день войны и мордобой происходить... «Правосудие вершит только Полис...» — прочел он третью статью местной Конституции. — «Члены организации подчиняются главе организации беспрекословно...» — последовала затем произнесенная им вслух и четвертая статья. — «Предательство карается смертью...» Гм... — Он на какое-то время призадумался. — Это хорошо, что они так высоко ценят семейные ценности. Семья — это ячейка общества и опора государства... Но чую притаившийся во всем этом деле какой-то подвох... Уж больно мягко они передо мною стелют...

Философ проверил своим задом на прочность трон и еще раз похвалил себя за проявленную основательность в подходе устройства идеального полиса. Созерцанием красоты цветущего города он старался заглушить ту невыносимую боль, которая терзала его спину и чресла от нанесенных ему накануне побоев.

— И поделом! — сам себя справедливо осуждал мудрец. — Нечего таскаться по чужим бабам... Вот ведь угораздило влюбиться! В мои-то годы! Мне уже сорок! «Уже» или «еще»? — тут же в замешательстве переспросил он самого себя. — По меркам моих родных Афин, это уже предельный возраст, когда заводят семью. А по местным меркам, я еще младенец... Молодая вдова благожелательно ко мне отнеслась, а вот ее братья меня совершенно не поняли и приняли за ночного вора. Надо будет им объяснить, что это не так. А лучше — ну их всех к лешему! Эта история отвлекает меня от важных государственных дел. Надо будет моему секретарю Лисандру сказать, чтобы он об этой истории помалкивал и особо не распространялся... — напомнил он самому себе. — Сейчас сюда должен прийти дон Леоне с докладом о делах в моем городе... У него большая семья... — мелькнула в его голове мысль. — А если внимательно присмотреться, то почти полгорода состоит с ним в каком-то родстве. Да куда там полгорода! Практически весь город. Даже я сам вчера чуть было не стал его родственником... Нет, с этими людьми нужно быть всегда начеку и держать их от себя на безопасном расстоянии...

* * *

В то же самое время на другом конце их новенького города, который можно было весь обойти вдоль и поперек за пару часов, во дворе своей ничем не примечательной бедной хижины сидел седобородый старик и растирал загоревшие мозолистые ноги.

С утра старик не мог собрать свои мысли воедино — они, как тараканы, расплозились в разные стороны. Все валилось у него в кучу. Он крутил в руке золотую монету номиналом в двадцать пять сиракузских литр, на которой был изображен бюст Аполлона в лавровом венке победителя. Крутил и все никак не мог сосредоточиться.

Прошедшей ночью ему приснился дурной сон. Уже под самое утро ему привиделась какая-то молоденькая ведьмочка, которая, обнажив свои юные нежные прелести, пыталась его соблазнить. Затем появились какие-то мелкие бесы (упыри и вурдалаки — «зубастое войско сатанинское»), и все закрутилось, заверещало и засвистело вокруг него. Чтобы защититься от всей этой нечисти, ему пришлось начертать на полу мелом круг. «Я его не вижу... — зловеще прошипела панночка, подслеповато шаря своими когтистыми ручонками по сторонам вокруг его горла. — Приведите Вяя...» «Подымите мне веки... — велело чудовище, когда мелкие бесы подвели его к меловому кругу. — Вот он... — указывая на старика, злобно прохрипело невообразимое чудовище. — Теперь он ваш...»

У старика от страха пересохло в горле. Из последних сил он сам для себя неожиданно взял да и прокукарекал.

«Да он петух!!!» — бледнея от ужаса, отпрянул от него Вий и с шипением серной кислоты растворился в небытии утреннего эфира...

Последняя реплика невиданного чудовища встревожила старика больше всего остальных. Смутно он подозревал, что в адресованном ему слове «петух» таится какая-то двусмысленность. Поэтому уже утром он с подозрением поглядывал на кур, пасущихся на его дворе, и все гадал, к чему было бы это сновидение...

— Не к добру все это! — повторял старик. — Не к добру! Ползет к нам какая-то вражина... Ведь никто не поверит, если я кому-то этот бред расскажу... Надо будет какому-нибудь писателю эту историю подсунуть, — вздыхал он, поднимаясь с места, — может быть, чего-нибудь путное из нее тогда и выйдет...

Старик грязно выругался по этому поводу, настолько грязно, что мы не в состоянии дословно воспроизвести с того местного диалекта на современный язык эти его идиоматические изыски. Но общий смысл его мысли был приблизительно следующий: «Чтоб у тебя в одном месте кактус зацвел!»

Он взглянул на солнечные часы:

— О! Пора идти поздравлять с днем рождения философа-правителя! — Он взял в руки приготовленную им еще накануне в качестве подарка книгу (совершенно новенький свиток с трудами его прадеда). — И что это за новый такой титул он для себя придумал?! — Пожал он плечами. — Вот мой прадед Эмпедокл был настоящим философом, но никогда в правители не лез... И я — управляю таким хозяйством, но в философы не лезу... Тут следует что-то одно: либо правитель, либо философ... — рассудил он с житейской простотой, выходя на улицу. — А этот хочет быть и тем, и этим... Так не бывает...

* * *

Как самый старший из всех стариков дон Леоне каждый день приходил к Правителю-Философу и докладывал обо всех делах, случившихся в городе за сутки. Откуда он обо всем и про всех знал, Философ не ведал. Старик просто обо всем знал, и все тут. Правитель уже подумывал сделать старика своим официальным первым советником, но затем, рассудив, решил, что тот сам себя уже им назначил и ему не о чем уже волноваться.

Преподнесенный старостой подарок несказанно обрадовал градоправителя. Он с интересом развернул свиток и начал его внимательно изучать.

— Тебе, Философ, несказанно повезло родиться в один день с богом Аполлоном... — дружелюбно заметил старик, наблюдая за реакцией своего собеседника. — Это книга моего прадеда Эмпедокла под названием «Очищение»... Он тоже был, как и ты, философом...

— Я знаю... — лаконично отвечал именинник, углубляясь в преподнесенный ему старинный текст. — За огласку учений Пифагора он был изгнан его учениками.

— Да, дед был известным краснобаем... — улыбнулся старик, вспомнив своего легендарного пращура. — И смерть себе придумал красивую — бросился в жерло огнедышащего вулкана... Так сказать, по полной очистился от земного бремени! С той поры все мужчины нашего рода поступают именно так...

— Что, и ты тоже так поступишь?

— Однозначно! Традицию нарушать никак нельзя. Такая смерть ставит нас в один ряд с известнейшими героями Эллады!

— Что ж... Надеюсь, что это событие произойдет еще не скоро...

— Да, поговорим о более близких к нам делах. Сегодня ночью случится одна неприятная история... — пророчески сообщил старик. — Во время празднования приверженцы культа Диониса решили подсыпать в вино поклонников культа Аполлона слабительного зелья, чтобы те во время их ночной мистерии позорно расслабили свои чрева...

— Ох, уж мне эти их вечные местные разборки! — опечаленно покачал головой Философ. — Все никак не уймутся...

— Я уже кое-что в ответ предпринял, но без твоего одобрения, естественно, осмелиться реализовать это не решился...

— Что именно?

— Я им сам тоже кое-что подмешал в питье... Предлагаю пойти и посмеяться над тем, как обе соперничающие стороны оконфузятся сегодня во время мистерии в честь праздника Таргелии или Фаргелии...¹

— Доброе у тебя сердце, дон Леоне, — покачал головой Правитель.

Философ только сейчас обратил внимание на то, что имя старика совпадает с названием его идеального города.

— Дон Леоне! — обратился он к старцу за советом. — Ты глава почтенной семьи нашего идеального города, его главный старейшина, посоветуй, что еще полезного можно сделать нашему городу?

— Главное, не переборщи с добром! — как-то по-обыденному, но доверительно отозвался на его призыв старик. — Дозируй благо малыми дозами... От чрезмерного добра в мире порой случаются великие злодеяния...

— А как тебе наше государство?

— Мы сами родом из Акраганта, который ныне разрушен карфагенянами... — уклончиво начал старик свой ответ на поставленный ему вопрос. — Когда-то это был богатейший и цветущий город... Но начались раздоры, за ними следом пришли войны... И теперь этого города не стало... А в руинах счастье не живет...

Философ понял его намек и прекратил свой расспрос. Он прекрасно знал, что стариков и детей обижать нельзя. Через них с людьми разговаривают сами боги. Но какой бог разговаривал с ним через этого старца, он так и не смог определить.

По своей натуре Философ был заядлым экспериментатором. Он пытался соединить два хороших качества, чтобы из них возникло нечто принципиально новое, еще более лучшее третье. Сам себе он это объяснял так: «Лучшее возникает из соединения двух хороших качеств. Так прекрасное возникает из соединения хорошего этического и эстетического качеств (как адекватный союз содержания и формы). Превращение хорошего в лучшее есть диалектическое возрастание качества...» Но в жизни все выхо-

¹ Др.-греч. Φαρυγγία, «жатва, созревание плодов».

дило несколько иначе. В жизни было слишком много несовершенств, чтобы из них можно было смастерить хотя бы одно приличное совершенство.

— Скажи, старик, а что такое счастье? — неожиданно сам для себя спросил Философ своего собеседника.

— Счастье — это когда ты находишься в чьих-то мыслях, в чьих-то молитвах и в чьих-то сердцах... — последовал незамысловатый ответ умудренного жизнью человека.

Философ давно уже догадался, что дон Леоне выполнял при нем функцию ночного сторожа; что когда город мирно засыпал, старик и его семья бодрствуют и охраняют его покой и порядок.

Глядя на него, правитель идеального полиса думал:

«Он пытается играть мою роль. Он пытается подменить меня собой. Мечтает стать львом... Львиная доля — мечта любой шавки, твякающей на панели истории. Абсурд! Но именно его я должен опасаться больше всего... Абсурд в политике наступает тогда, когда не волк ест свинью, а свинья пожирает волка. Он пытается усидеть сразу на двух стульях: угодить и вашим, и нашим...» — Правитель идеального города-государства глубоко вздохнул, по личному опыту он знал, что хитрая попа всегда усидит на двух стульях, имея в виду еще про запас и третий, а в перспективе нацеливаясь еще и на императорский трон...

Когда коту нечего делать, он начинает организовывать заговор мышей против слонов...

— Да, и еще... — уже уходя, как бы ненароком обронил местный старожил. — Из Сиракуз до меня дошли верные слухи, будто наш славный правитель Дионисий приказал арестовать тебя по поводу выдвинутого против тебя обвинения...

— Что на этот раз?

— Тебя обвиняют в сквернословии, разврате и пьянстве...

— Так, этим только политики и занимаются...

— Да, но они не философы... — усмехнулся старик. — Им это простительно! С тебя же спрос иной... Уж поверь моему богатому опыту... Так что готовься... Скоро из Сиракуз по твою душу придут важные гости...

* * *

Тот день прошел в суете текущих дел и мало чем запомнился выдающимся. Наступивший вечер принес долгожданную прохладу и вместе с тем приблизил час назначенного праздника.

В лесу, в трех милях от города, в том месте, где девушки, встречая лето, плели венки и водили хороводы, из дикого камня был сложен алтарь, богато украшенный цветами. Окруженный со всех сторон цветущими фиалками, он возвышался на поросшем диким тмином небольшом холмике, тропинка к которому вела через зеленый лабиринт, над которым жимолость попеременно с душистой розой мускатной сплела свой ароматный полог.

— Это особый лес... — предупредил правителя старик. — В нем обитает множество различных духов. Посмотри внимательно... Здесь важно научиться различать, где огоньки простых светлячков, а где огни неизвестных современной науке сверхсуществ... С нашими людьми в этом лесу происходят разные истории... — Философ присмотрелся и действительно обнаружил блуждающие по лесу какие-то странные вспышки света. — Но они безвредные... — заверил его в полной безопасности дон Леоне. — Только непонятные...

Полная луна медленно плыла на кучерявых облаках над лесом, освещая цветущие заросли жасмина, жимолости и шиповника. На поляне перед алтарем собралась прак-

тически вся молодежь их нового вольного города, чтобы отметить праздник в честь дня рождения их мудрого правителя. Переодетые в сатиры городские виночерпии ходили повсюду и всем разливали казенное вино из бурдюков. Рассевшись по склонам холмов, музыканты брэнчали на своих инструментах какие-то местные напевы. Вдоль протоптанных тропинок стояли светильники с курящимся благовонием и воткнутые прямо в землю пылающие смоляные факелы.

— Этот праздник — наш тебе подарок... — слегка приобняв правителя за плечо, объявил ему старик. — Сегодня твой день рождения... Прими от нас этот скромный дар...

По его сигналу юные девы увенчали его чело лавровым венком, на плечи набросили шкуру льва с зубастой мордой и вставленными стеклянными глазами, а в руки всучили массивный дубовый резной посох. Философ принял почет как неизбежную церемониальную необходимость, хотя в глубине души предпочитал обходиться без этого начальствующего величия.

— Ты уж извини, Философ, что я взял на себя роль распорядителя этого торжества, — объяснил старик своему собеседнику проявленную им инициативу. — Мне быть твоим архонтом не с руки. Но поскольку я всех здесь знаю, то буду твоим проводником на этот пир... Ты родился в день рождения Аполлона. Это символично! В честь этого светлого бога мы соорудили здесь алтарь из местного мрамора и оленьих рогов. Теперь твой праздник станет ежегодным праздником нашего города! — Старик умел льстить, точнее, умел дозированно выдавать лесть, кому надо и когда надо (он прекрасно знал слабые места человеческой натуры). — Ты должен знать, что первый алтарь в честь Аполлона на Сицилии соорудил его сын Тельмисс... Мы, как и у вас в Аттике, почитаем Аполлона как бога жаркого и плодородного лета. В прежние века вы, афиняне, в этот день приносили в жертву этому богу либо двух мужчин, либо мужчину и женщину, которые служили очистительной жертвой. Затем заменили эту казнь и производили ее только для вида. Сегодня мы будем предаваться безудержному веселию, а жертвы оставим на завтрашний день... Быть может, это наша с тобой последняя ночь, так что давай проведем ее достойно...

— Ты все-таки уверен, что завтра меня арестуют по этому ложному обвинению? — с тревогой переспросил старца правитель.

— И это будет не самая главная неприятность... — усмехнулся тот ему в ответ. — Не удивляйся, если завтра ты увидишь мою погребальную процессию... Я уже велел своим готовить на вершине горы костер и погребальные носилки...

— Но мы не знаем часа своего ухода...

— Истинный правитель должен планировать этот уход сам заранее... — многозначительно отвечал дон Леоне.

Тем временем начались пляски и песнопения.

Старик доверительно склонился над ухом Философа и как-то по-отечески произнес:

— Но хватит о политике. Поговорим о жизни... Что ты думаешь насчет наших двух главных жриц? Не правда ли, они прекрасны! — Правитель в знак согласия молча кивнул. — Женщина — это эротическое существо, которое любит слова Эроса больше, чем бриллианты и золото всего мира. Поэтому мужчинам с нею выгодно разговаривать языком эзотерической порнографии... И чем больше будет в этом деле напущено тумана таинственности, тем короче оказывается путь к ее сердцу... Вперед... Дерзай, пока не поздно... Упустишь момент, потом всю жизнь будешь локти кусать...

Замысел старика был предельно прост: оженить правителя-философа на одной из своих племянниц и тем самым привязать его к своей семье. На какой именно, ему было все равно. Цель оправдывала средства.

— Тебе какая нравится — светленькая или темненькая? — старик кивнул на стоящих возле алтаря жриц Аполлона и Диониса.

— Гм... Да, я как-то... — в смущении замялся Философ, не в силах сформулировать ответ на столь провокационный вопрос.

— А ты не тяни... определяться когда-то надо... Гера (та, что светленькая) — жрица бога Аполлона, а та, что темненькая, — эта жрица Диониса, и зовут ее Деметрия...

Намечался классический любовный треугольник, где холостяк оказывался «вершиной», а его новые подружки — «основанием». Философ всмотрелся в предложенные ему варианты. Всмотрелся и еще больше пришел в замешательство, поскольку начал сравнивать достоинства красоты и на этом деле серьезно завис...

А потерять голову было от чего.

Жрица Аполлона (Гера) — высокая, статная, светловолосая, кучерявая. О ее выдающемся бюсте можно было складывать целые поэмы. Именно о таких музах мечтают поэты всего мира. В волосах ее была вплетена фиалка.

Жрица Диониса (Деметрия) — невысокого роста брюнетка, с очень добрыми выразительными глазами, но взрывным темпераментом, при необходимости способная пускать в ход не только свое обаяние, но и когтистые ручонки. В ее волосах в качестве эмблемы красовался цветок жимолости.

Старик заметил, как Гера многозначительно подмигнула Философу, и тот, как мальчишка, стусевался, занервничал и на какое-то время потерял бдительность. Для правителя потеря бдительности — последнее дело.

— Не советую... — предостерег он своего спутника. — Поговаривают, что она подрабатывает наемным убийцей... Мастерница по ядам и удавкам...

— Да ну! — не поверил ему Философ. — Не может быть! А с виду такая паинька!

— У нас есть традиция мстить своим кровным обидчикам! — пояснил старик. — Так вот, когда в роду остаются уже одни женщины, а мстить надо, «черные вдовы» нанимают ее... Универсальное и безотказное оружие...

Философ взглянул на жрицу Аполлона: внешность совершенно обманчивая. Ангел во плоти, а если верить старику — демон Аида.

— Ладно... Пойдем... Я тебе кое-что покажу... — старик по-отцовски взял его за руку и повел куда-то по лишь ему одному знакомой тропинке. — Здесь из скалы бьет горячий целебный источник... Наши девы ходят туда омываться перед мистериями... Ты как правитель должен об этом знать...

Они подошли к заветному месту, и он там действительно увидел (как по заказу — и когда она только успела!) именно ее — она беззаботно стояла под струями горячего источника, и на лице ее цвела блаженная улыбка. Жрица Аполлона чуть закинула голову назад и в сторону, прикрыла глаза, и ее светлые волосы струились вместе со струями воды по ее обнаженной фигуре.

Ее загорелое на южном солнце тело привораживало взоры ее тайных почитателей. По всему было видно, что девушка набрала полный сок и ее бутон вот-вот должен распуститься и бурно зацвести. Но вместо логичной в таких случаях откровенной эротики в руках у нее появились два не менее спелых ананаса, которыми она кокетливо прикрыла свои обнаженные набухшие розовые соски.

— Она — само совершенство! — невольно вырвалось из уст сраженного наповал стрелой Эроса Философа.

— Эрос коварен в своем обольщении! — услышал он очередное отеческое наставление старца, засевшего вместе с ним в соседних кустах. — Но ты не робей! Наглость и не такие крепости берет...

Философ мечтательно прикрыл глаза, и ему явственно представился пустынный песчаный берег лазурного моря, ясный день, он — молодой и красивый, как сам бог Аполлон, и она — стоящая с этими своими спелыми ананасами...

— Полундра!!! — прямо в ухо прокричал ему старик, и в следующую секунду в голову зазевавшемуся мыслителю прилетел один из вышеупомянутых ананасов. — Она нас засекала! Теперь бежим! — предложил ему старик, сам уже активно делая ноги. — Догонит — мало не покажется! Убьет за то, что мы за ней подсматривали...

— Вот придурки!!! — ворчал сам на себя Философ, на бегу соскабливая с головы разбившийся ананас и разгоняя летающую вокруг него стаю какой-то пернатой живности. — И чего я там такого увидел, чтобы получить за это по куполу ананасом!? Дон Леоне меня специально под этот грех подвел! Старый хрыч! Одной ногой в могиле уже стоит, а сам туда же!

— Я же говорил тебе, что Гера — заправский киллер! — осматривая вскочившую у Философа шишку, пытался как-то взбодрить его старик. — Смотри, как тебя ананасом профессионально приложила! Клянусь Зевсом, это она тебя так пугнула... Хотела бы на самом деле убить, давно бы ананас в другое место тебе запихала... Хорошо, что ананас оказался переспелым, не так мозгам больно...

Отмахиваясь от надоедливых птичек, все еще кружащихся вокруг его контуженной головы, Философ еще раз пожалел о том, что покинул свой правительственный трон и пошел без охраны в народ.

— Но с другой стороны, — логически пытался рассуждать он, — в моем идеальном государстве все должно быть построено на взаимном доверии: Я доверяю народу, народ верит мне... А то, что ананас сегодня заработал, поделом — не подсматривай за тем, кто этого не хочет...

Смех над самим собой — самый ценный смех. Мыслитель это понял, когда еще общался со своим великим учителем, а Сократ зря ни над кем не смеялся...

Старик провел Философа мимо группы молодежи, которая весело обсуждала какую-то историю. Заметив старших, они учтиво замолкли, поклонились и расступились.

— Благовоспитанные юноши! — похвалил их старик. — Я благодарен тебе, Правитель, что ты моего племянника Лисандра взял к себе в секретари. Способный молодой человек. Много сможет достигнуть в жизни, если пойдет правильным путем...

— Так вот... — продолжал Лисандр свой рассказ, провожая взглядом уходящих от них дон Леоне и правителя. — Моя тетушка, вдова с большим стажем, женщина властная и непоколебимая. «Хочу, — говорит она мне, — его, и только его! Если спать, то только с царем, если воровать, то только грабить целый Карфаген! Поэтому вынь мне его и положи рядом со мной!» Что ей в голову втемяшилось, того она непременно добьется. Ну, я нашему Философу осторожно намекаю, так, мол, одна дама влюблена, мол, в него, желает его и все такое. Месяц уговаривал, наконец прошлым вечером его все-таки кое-как уломал. Пошли мы с ним к ней в гости. А у тетушки моей в доме всякой живности тьма-тьмущая: и павлины, и дикобразы, и попугаи на бабские темы щебечут так, что от настоящих не отличишь... «Так, — говорит она, уводя к себе в опочивальню Философа, — я сегодня буду всю ночь заниматься любовью! Буду страшно кричать и на радостях посуду бить!»

И действительно, — продолжал взхлеб свой рассказ Лисандр, — всю ночь орала так, словно ее там римский легион потчевал! Я уже про себя думал: «Зараза! Да когда же ты лопнешь от этого своего крика!» Только под утро стихла. «Ну, — думаю, — наш правитель — гигант, мастер своего дела...» Возвращается он под утро усталый, измученный бессонной ночью, весь бледный. Ну, я давай его поздравлять, мол, все слышал, поражен, восхищен и все такое. А он мне в ответ: «Эх! Если бы! Какая там любовь?! Эта дама впотьмах вместо пуфика села на дикобраза... Всю ночь из нее иголки его выковыривал... Бедняжка! Настрадалась!»

Публика закатилась диким хохотом, а некоторые даже не устояли на ногах и попадали наземь.

— Добрая у нас молодежь! — еще раз похвалил ее старик, издали прислушиваясь к раскатам их дикого хохота. — Умеет веселиться от души...

* * *

Тем временем на поляне перед алтарем разворачивались запланированные мистерией праздничные действия. В те времена люди, как дети, верили в различного рода мифы и небылицы, которые сами для себя сочинили и которые для них становились самой настоящей реальностью. Они всю жизнь оставались детьми, и только выросшие из мифа философы, понимали, что для них «детский сад» стал тесен и обременителен для их сознания. Поэтому неудивительно, что в мозгах у них царила языческая чехарда и господствовал все еще первобытный хаос. Зато они были ближе к природе.

К тому времени у сторонников дионисийского культа уже начались галлюцинации, и их сильно колбасило на мифологические темы. Кому-то являлись развеселые вакханки, кому-то пьяные-препьяные сатиры, кто-то сам успел уйти в астрал. Природный инстинкт полностью подавил в них культурный разум. Одна из их жриц утверждала, что у нее только что был секс с самим Паном и она успела уже породить на свет какого-то ублюдка, который умудрился куда-то уже от нее сбежать. И это было только начало. В перспективе оргия обещала затмить все предыдущие традиции подобных празднеств.

Для нас это удивительно, но было вполне обыденно для человека той культуры. Подобного рода оргии были в обычае древних греков, поэтому никого не могли тогда удивить. Грехом это стало уже потом, когда в людях окончательно пробудилась совесть.

— Ты видишь, — заметил старик, наблюдая за дионисийской анархией, — они уже находятся по ту сторону добра и зла...

— Что ты им подмешал в их питье? — спросил его Философ.

— Так, одну местную травку... Завтра они и не вспомнят того, что сейчас тут вытворяют...

Тем временем две ревнивицы (Гера и Деметрия) уже сошлись не на шутку и уже приготовились рвать и драть друг другу волосы. Еще секунда, и Деметрия сорвала с головы соперницы фиалку и тут же лишилась своего венка из роз, который украшал ее чело. Не было слышно, но, судя по всему, они перешли на бытовую брань, закладывая в обе стороны изрядные словесные коленца.

— Это у них такая тренировка! — отвечал на вопрос удивленного Философа старик, поспешно уводя его от них куда-то в сторону.

По намеченному плану следующей сценой их ночной комедии должен был стать показ новых скульптур. Для этого старик непринужденным жестом предложил высококому начальству свернуть чуть в сторону от основной тропы и выйти на небольшую дорожку, вдоль которой с обеих сторон стояли тумбы, на которых в полумраке майской ночи возвышались какие-то странные фигуры.

— Это двенадцать богов Олимпа, которыми мы хотим украсить нашу Агору... — вкрадчиво объяснил правителю дон Леоне. — Государственная казна уже выделила на них необходимые средства, и вот, пожалуйста...

— Да, город без святынь жить не может... — охотно согласился с ним Философ, дивясь, с какой скоростью тому удастся решать жизненно важные вопросы. «Как хорошо иметь такого советника, — подумал он про себя, — все предугадает и, когда надо, доложит...» — А где тут статуя Аполлона? — спросил он своего экскурсовода.

— Вот она! — указывая на какую-то бандуру, отвечал дон Леоне, подводя его к ней. — На нее лучше смотреть издали. Она так объемнее получается... — порекомендовал эстет градоначальнику.

Философ не был большим знатоком скульптуры, поэтому то, что он смог разглядеть в ночном полумраке, его вполне удовлетворило. Но не успели они отойти от этой скульптурной композиции, как статуя неожиданно чихнула. Он обернулся. Дон Леонтер себе нос, делая вид, что это он чихнул.

— Сыро здесь, — поспешил оправдаться старик. — Нос так и чешется. Вы идите, а я сейчас вас догоню. Прочихаюсь и догоню. Не хочу вас заражать...

«Вот ведь какой заботливый у нас товарищ! — наивно думал правитель, проходя в глубь сада. — Даже о моем здоровье заботится...»

— Вы что, не могли спокойно пять минут здесь постоять! — начал строго отчитывать старик «статую» Аполлона. — Просил же! Умолял! А вы?!

— Но тут действительно сыро, дон Леонте! — хрипя, оправдывалась статуя Аполлона. — А у Афродиты к тому же еще и месячные неожиданно пришли!

— Это мозги от вас всех неожиданно ушли! — выругался старик, направляясь догонять свое высокое начальство. — Я с вами всеми завтра разберусь...

После его ухода все двенадцать статуй быстро повскакали со своих мест и отправились пировать со всеми остальными горожанами. Затеявая эту обманку, старик намеревался проверить нехитрую авантюру — позже объявить, что все статуи были похищены неизвестными, и списать уже потраченные им на торжество деньги. Он крутился, как мог. Но старался для общего блага, а не для своего бездонного кармана.

— И долго нам здесь еще ломать комедию? — уловив момент, украдкой обратилась Гера к дону Леонте. — Хотя бы пожалел ты его! Жалко смотреть на него, как он тут мучается...

— Ничего... Пускай немного помучается... — нравоучительно отвечал тот. — Он родился с серебряной ложечкой во рту, а я с куском кошачьего помета... Он не знает, что такое жизнь. Если не мы, то кто его ей научит? А комедию завершим тогда, когда найдем того, кто обронил у его трона золотую монету номиналом в двадцать пять сиракузских литр... Наемный убийца нам всем бросил вызов. Пока на него не ответим, не успокоимся...

— Невелика беда! Убьют этого, другого пришлют... — резонно заметила жрица. — Свято место пусто не бывает... — напомнила она ему старинную поговорку.

— Но с этим можно хоть по душам говорить! — возразил ей старик. — Да к тому же он не ворует, как другие... Первый раз вижу честность, восседающую на троне верховной власти... Эта честность многого стоит! Поэтому, внучка, шла бы ты заниматься своим делом и не мешала нам делать свое... От каждого по способности, всем на пользу... — вывел он очередную свою формулу.

* * *

На другом конце поляны под шатром стоял широкий деревянный стол, ломившийся от яств. Распорядитель застолья суетился вокруг него, заканчивая последние приготовления к симпозиуму.

— Кто стащил мои ананасы?! — выбиваясь из последних сил, возмущенно ревел устроитель пиршества. — Найду, кто это сделал, руки тому поотрываю!!!

Философ и старик многозначительно переглянулись.

— Не советую тебе туда идти... — дружески предупредил своего собеседника дон Леонте, заботливо снимая с его волос остатки разбившегося ананаса. — Пусть народ развлекается там без нас... Он уже навеселе. Не будем портить ему праздник... Мелкие, ничтожные людишки! — осуждающе покачал головой старик. — Переживают из-за каких-то ананасов!

Философ подумал: «И в самом деле! Чего я там не видел!» И послушно пошел за своим ведущим, который продолжил его знакомство с жителями их славного города, гордо именуемого «государством».

Практически сразу же им бросилось в глаза сидящее чуть в стороне от их маршрута на старом пне какое-то лохматое козлообразное существо, увлеченно играющее на флейте.

— Это мой кузен Андроник! — дружески похлопал музыканта по плечу дон Леоне. — Изображает из себя Пана... Он и по жизни сам Пан, пьяница и бабник... Но как играет!... — Они прислушались: действительно виртуоз. — Но пойдёмте дальше, — предложил главный устроитель празднеств. — Там еще будет кое-что интересное...

— Что за людишки пошли? — пожал плечами Пан, провожая их безразличным взглядом. — Никакого уважения к богам... Вот то ли было в стародавние времена! А сейчас? Одно лишь кощунство... — и он пнул своим копытом валяющегося без сознания в кустах Андроника, на чьей отобранной флейте он и пытался играть свои старинные пастушеские напевы... — Он печально посмотрел вслед удаляющемуся от него Философу и медленно растворился в сыром ночном тумане.

Тем временем увлекательная экскурсия дон Леоне продолжалась.

— Городская молодежь обещала сегодня представить нам интермедию на тему похищения прекрасной Елены царевичем Парисом, — по секрету поделился с правителем старик. — Здесь недалеко, на лесной поляне они устроили импровизированный театр...

«Это хорошо, что в нашем городе-государстве появилась творческая интеллигенция!» — подумал Философ, сам в юные годы страдавший по театральному искусству и даже пробовавший писать какие-то пьесы.

Дон Леоне приподнял ветку ближайшего дерева и указал на засевшую в кустах влюбленную парочку.

— О! Они, кажется, уже начали представление...

— Гм... Н... да... Они, кажется, тут просто сексом занимаются...

— О! Пардон! Это мы не с того края зашли! — смутился старик своей очередной осечкой, поспешно одергивая ветку дерева. — Это моя соседка балуется эросом с соседом. Добрая баба, но слаба на передок...

«Похоже, что в моем идеальном государстве еще не скоро удастся изжить прелюбодеяние! — подумалось правителю. — Государства гибнут от падения нравов...»

— Вот! Это теперь точно наши артисты! — подвел старик Философа к импровизированному театру. — Это, конечно, не ваши афинские драматурги, но чем богаты, тем и рады...

— Но они простой народ, — вступился за своих сограждан Философ, — и этой самодеятельности вполне достаточно для того, чтобы привить им хороший вкус...

Интермедия представляла собой весьма вольную трактовку «Илиады». Настолько вольную, что избранному зрителю подумалось, что это вовсе не Гомер, а какой-то Гесиод, фантазирующий на тему личной жизни богов Олимпа. Прекрасную Елену играл какой-то прыщавый юнец, а царевича Париса — грудастая тетка, якобы являющаяся главным режиссером этой пародии.

— Они у вас что, Гомера не читали? — обратился правитель к своему проводнику.

— Они вообще не умеют читать... — пожал как-то неопределенно тот плечами.

— А почему у актеров такие странные маски? — заметил только сейчас аномалию в театральном реквизите Философ (на всех актерах были одинаковые черные маски с узкими прорезями для глаз).

— Так ведь ночь! — резонно объяснял ему главный. — Такие маски призваны не выделять, а, напротив, скрывать нас от любопытных глаз...

И в следующую секунду Философ заметил, как мимо него на огромной скорости, вращаясь вокруг своей оси, чуть было не задев его носа, пролетел второй утраченный устройтелем симпозиума ананас. «Промахнулась!» — радостно подумал он и машинально проводил тяжелый предмет взглядом. К его удивлению, Гера все-таки попала в какого-то бородатого незнакомца, в руках у которого блеснул кривой персидский кинжал. Тот охнул и без чувств свалился на землю.

— Это наемный убийца правителя Сиракуз Дионисия... — спокойно объяснил ему старик. — Мы его уже вторые сутки пасем в нашем городе...

— Они меня использовали в качестве приманки! Подсадная утка! — мелькнула в голове Философа мысль. — Вот козлы! Сатиры недоделанные! Он же мог меня убить!!!

— Ну, ну, успокойся! — добродушно улыбнулся ему в ответ старик. — Если бы могли, то давно бы уже прибили. В том-то и дело, что пока ты под нашей защитой, они ничего не могут с тобой сделать. Семья своих не бросает. Мы — гарантия твоей безопасности. У Дионисия Сиракузского просто не хватает воображения, чтобы придумать что-то нестандартное. Однообразность его бытия определяла серость его сознания. Он действует однобоко и прямолинейно. Мне это, честно говоря, порядком уже поднадоело...

Философ хотел ему ответить, но что-то тяжелое опустилось сзади ему на правящую в этом городе-государстве голову. Он даже охнуть не успел, как отключился...

* * *

— Он открыл глаза! — услышал над собой Философ чей-то писклявый голосок.

Он открыл глаза и увидел нечто, чего раньше никогда не замечал. Если от удара ананаса у него в голове защебетали юркие птички (предположительно канарейки), то от второго удара ему явилось что-то более существенное.

— Он нас видит? — прошептала одна из фей, всматриваясь в свое отражение в зрачках его глаз. — Вылезай, трусишка! Вылезай! Есть разговор...

— Он испуган и забился в самый дальний уголок своего мозга! — послышался писк второго существа. — Вылезай через глаза! Карабкайся наверх...

«О ком это они?» — удивленно подумал Философ.

В следующий момент он физически почувствовал, как в его мозгу завелась какая-то вошь и стала действительно карабкаться к его глазам. Вскоре голубоватое свечение залило все его лицо, и какое-то существо его писклявым голосом произнесло:

— А вы, девочки, кем будете?

Незнакомки интригуяще захихикали.

— В свое время все узнаешь сам...

— Я один из вас? — сам догадался дух (гений) нашего Философа. — Вы энергетические сущности, коих люди называют душами... А как мне вас называть?

— Нам без разницы! — последовал их общий ответ. — Зови меня феей фиалкового луга, а ее — феей вечноцветущей жимолости.

— А вы добрые или злые?

— Да мы вообще никакие! — растерянно переглянувшись, равнодушно пожали они плечами.

Гений Философа робко стоял на поверхности его зрачков, боясь оторваться от своего земного жилища, с завистью наблюдая за тем, как две его собеседницы беззаботно парят в воздушном пространстве.

— Тут с тобой хочет поговорить кто-то из наших старших! — объявила одна из фей, указывая на какое-то третье приближающееся к ним энергетическое существо.

— Учитель! — узнал в толстом и неуклюжем «эльфе» дух Сократа Философ. — Вот так радостная встреча!!! Как ты? Где ты? Что делаешь?

— Управляю Атлантидой! — усмехнулся тот ему в ответ. — Что за вопрос? Я — свободный художник, сам себе господин...

Ученик хотел о чем-то спросить своего наставника, но тот властным жестом руки остановил его праздную любознательность.

— У нас мало времени. Пока ты в бессознательном положении, я должен тебе многое чего сказать. Более обстоятельно поболтаем тогда, когда окончательно представишься... А сейчас слушай, и запоминай, и, желательно, не перебивай меня своими глупыми вопросами. Итак. Запоминай, все, чем мы занимаемся там, на земле не идет ни в какое сравнение с тем, чем занимаемся мы здесь, на небесах. Я еще не до конца сам все здесь исследовал, но то, что удалось узнать, меня просто восхитило, а то, чего еще не узнал, наверное, будет в тысячу раз грандиознее этого познанного. Итак, слушай и внимай...

Земля, оказывается, намного старше Солнца, которое является ее дочерью. Конечная цель Солнца — стать второй Землей, ведь сама Земля в прошлом была таким же Солнцем. Когда Земля остыла как звезда, в ней образовалось железное сердце. Это железное сердце рождает электромагнитные поля. Земля — это огромный магнит, силовые энергетические поля которого защищают ее от постоянных нападков Космоса. Но все это откроет физика через две с половиной тысячи лет. Так что не заморачивай себе на этот счет голову. Просто слушай и верь мне. Я же твой, как-никак, учитель.

Жизнь на Земле, — продолжала далее поспешно вещать энергетическая сущность Сократа, чувствуя, как время, отпущенное на их общение, стремительно подходит к концу, — стала возможной благодаря таким энергетическим сущностям, которые длительное время пытались утвердиться в материи, которая нужна была им для того, чтобы удержаться на Земле, а не неприкаянно блуждать по ней. В каждой живой твари есть подобная энергетическая «батарея». От простого дождевого червя и до венца природы — человека. Физическое тело всего лишь механизм его существования на Земле. Смерть освобождает дух.

Жизнь есть чудесное соединение духа и плоти, где плоть является проводником духа в земном мире. Тот, у кого плоть начинает управлять духом, тот ощущает себя запертым в темнице. Ведь наш дух есть малая искорка Мирового Духа, которая упала на Землю и ожила в материальном теле. После смерти эти искорки вновь возвращаются в свой мир, обогатившись тем знанием, которое они получили от земной жизни. Если знание так себе, то у них не вырастают крылья, и они снова падают в мир живой материи. Самые глупые достаются низшим существам, те, что получили высшее знание, вновь становятся людьми.

Бог есть высшее энергетическое начало, выражающее законы Природы. Все эти искры есть часть космической энергии Бога. Он пускает их по миру, чтобы через них обогащаться. Величина самих сгустков энергии зависит от знания истины. Тот, кто больше всех знает при жизни таких истин, тот самый крупный и сильный. Невежды и лжецы влачат здесь жалкий удел безликих сущностей... Эй! Эй! — залепетал говорливый дух Сократ. — Не уходи! Мне нужно тебе еще много чего сказать! Шаровые молнии — это города, в которых живут и путешествуют по Земле души... Запомни, что я тебе сказал... От того они и шарахаются, что их там слишком много...

* * *

Философ очнулся, открыл глаза и тут же услышал голос склонившегося над ним дона Леоне:

— Слава богам! Он пришел в себя. Извини, правитель, не уберегли! — тут же начал он каяться, помогая ему подняться с земли. — Не усмотрели мои девочки еще одного подосланного убийцу. — Он указал на еще одного связанного киллера. — Но его мы обезвредили и даже убедили перейти на нашу сторону. Он согласен теперь зарезать самого Дионисия Сиракузского... Семья настояла... Он не смог отказаться от нашего предложения...

Туман в глазах начал постепенно рассеиваться, но болевой шок лишь усилился.

— А что со жрицами? — обеспокоился правитель, увидев лежащих на земле Геру и Деметрию. — Что с ними?

— Они немного пострадали, но свой долг выполнили, — поспешил успокоить его старик. — О них позаботятся. С ними будет все хорошо.

Пострадавший отказался от носилок, в которые его хотели поместить заботливые родственники дон Леоне: «Народ не должен видеть слабость своей власти», — справедливо рассудил он, оставаясь на своих нетвердых ногах.

— Я пытался построить идеальное государство, а получил дубинкой по голове! — сетовал вслух Философ на свою откровенную неудачу, опираясь на дружеское плечо своего собеседника. — Я благодарен тебе за заботу и что ты дважды спас мне жизнь... Скажи, в чем моя ошибка? Где я был не прав?

— С чего ты взял, что твой эксперимент не удался? — попытался успокоить его дон Леоне. — Что самое главное в государстве? Чтобы его граждане были счастливы! Ты в своем городе видел хоть одно несчастливое лицо? Нет... Ты и впрямь идеальный правитель. Насколько эффективный и удачливый, не знаю. Но то, что Дионисий тебя приревновал и подослал наемных убийц, говорит о том, что он опасается твоего эксперимента. Ведь его самого все ненавидят, а тебя все любят. Ты — человек совести, а он — коварства и лжи. Живи по совести и станешь недоступен для лжи и зла. Жизнь сама по себе весьма сложная штука. Реально живет только то, что мыслит. Все остальное просто существует. Если мне стыдно, значит, я человек.

— Значит, я все правильно делаю и двигаюсь в нужном направлении...

— Да, но ты один. А в одиночку таких тяжестей не поднимают... Я тебе здесь не помощник. Где могу, помогу. Но жить в твоём идеальном государстве мне как-то не с руки. Ищи себе единомышленников, а еще лучше сам их себе создай...

«Мне бы теперь вспомнить, что мне там говорили эти эльфы или, как их там, феи?! — мучительно превозмогая головную боль и потирая выскочившую шишку, думал Философ. — И кто поверит в этот бред? Я сам-то в него с трудом верю... Что он мне там говорил: „В настоящее время наша Земля — это огромный каменный шар, вращающийся вокруг Солнца. Внутри этого шара находится такое же, но только маленькое Солнце, состоящее из расплавленного металла...“ — Философ призадумался и ошупал себя. — Да. Я тепленький. Значит, все-таки какая-то энергия Солнца или Земли во мне есть... А самое главное — о какой это важной формуле он там мне говорил? Убей меня Бог, никак не могу вспомнить...»

— Пока ты был в отключке и бормотал какую-то ахинею, — в качестве объяснения принес ему свои извинения старик, — мы допросили твоего несостоявшегося убийцу, и он под пытками (как я уже говорил) согласился перейти на нашу сторону и начал с нами сотрудничать. Он, в частности, показал нам вот это... — Дон Леоне протянул Философу какой-то свиток. — В случае провала операции по твоему физическому устранению они должны были вручить тебе вот эту грамоту, в которой сообщалось о том, что в твоём родном городе Афинах произошел монархический государственный переворот и власть в городе захватили сторонники царской власти. Они единогласно избрали тебя своим новым царем...

— Меня? Царем!? — удивился Философ.

— Да. А так как по нашим сицилийским законам царская власть под запретом и если какой-либо царь вступит на нашу землю, Дионисий обязан его тут же без суда и следствия казнить. По их замыслу, дело должно было быть так: мы бы тебя здесь провозгласили царем Афин, а завтра тебя без следствия казнят сицилийские власти...

— Умно...

— Фальшивка грамотно состряпана... По всей видимости, работали профессионалы высокого уровня... — Старик поднес свиток к ближайшему факелу, и тот сразу же вспыхнул ярким пламенем. — Но все... Забыли эту гнусность, все прошло... Ложь, как видишь, ярко горит, когда имеет дело с честными людьми...

По всему выходило, что Философ прошелся босиком по краю лезвия. Где-то совсем рядом тоскливо играла пастушья флейта...

— А это наш местный пророк, старец Полидор! — представил дон Леоне какого-то седого старца, мирно сидящего на каменной скамеечке. — Скажи-ка, мудрейший, что нас ожидает в будущем? — поинтересовался у него любознательный сын Корлеоне. — Он совсем уже ослеп, — пояснил он Философу. — Ничего вокруг себя уже не видит, но зато зрит иногда будущее... — и склонившись над старцем, слегка пнул его ногой. — Ты что, спишь там? Давай говори!

— А что говорить? — спросонья оживился мудрец.

— Ну, то, что я утром тебе под запись давал! — склонившись над его ухом, осторожно напомнил ему хитрец.

— Ах, это! Да. Конечно. О, наш широкомордый правитель! — обратился древний дед к Философу.

— Широкомудрый! — тут же строго поправил его дон Леоне.

— Ну, да. Он самый! Тебя ждет великое будущее. Ты будешь широко известным и почитаемым... — И дальше строго по ранее утвержденному тексту мудрец витиевато поведал все, что он о нем думает.

Философ внимательно выслушал его и, слегка пошатываясь, пошел в сторону города, заботливо опекаемый доном Леоне.

— Зазвездил наш Правитель! — покачал головой мудрец. — Вон как до сих пор вокруг его головы какие-то искры хороводом звезд вращаются... А что, — обратился он к сидящему рядом с ним на лавочке Пану, — у вас там жить хорошо?

— У вас тут веселее! — отвечало ему в ответ козлообразное существо, играя на флейте. — У нас одна тоска. Если бы было весело, разве мы сюда к вам приходили? Вы, люди, созданы для того, чтобы нас развлекать. Иного смысла этого мира нет...

— Значит, мне уже пора...

— Да, пора... Тень из Тартара уже за тобою сегодня вылетела... Встречай ее, старик. Он твой сегодня гость...

— Н... да... — покачал головой дон Полидор. — Сорок лет управлял нашей общиной. Теперь пусть молодежь этим занимается... Я могу сказать только одно: хорошую смену я себе воспитал. В этом залог любого справедливого правления...

С розовеющего востока повеяло утренней свежестью. Волшебная ночь завершилась. Сказка уходила в дневной сон.

* * *

Философ восседал на своем правительственном троне и встречал зарю. Он любил этот ранний утренний час, когда веет прохладой и зарождается новый день. Город еще спит. Он один, только кошки да собаки, бегающие по пустынным улочкам его лю-

бимого полиса, да щебет проснувшихся птиц. Наступал второй день празднования Таргелии — день жертвоприношения.

Но в то утро его интересовала не заря начинающегося дня, а та тень, которая падала от его трона, приобретая порой весьма причудливые очертания. Эта тень олицетворяла сегодня для него те закулисные дела, которые творились вокруг него, порой без его ведома и участия. Философ понял, что помимо его официальной власти в городе существует еще и тeneвая.

«Кто я для своего государства? — мучительно думал он, прикрыв красные от бессонницы глаза. — Власть? Авторитет? Или марионетка? — События минувшей ночи наталкивали его именно на последнее суждение, которое было для него словно приговором. — Вместо света я сам оказался втянут в тeneвые схемы непубличных отношений... Здесь самый главный вопрос: я за народ или против него?! Или нет: с кем народ — со мной или против меня? Или: кто за нас?» — начал он путаться в своих формулировках, чувствуя, как стремительно тают последние секунды его правления в этом идеально устроенном им государстве.

Единственно, что он вынес для себя из всей этой истории, было то, что в политике народ всегда оказывается в абсолютном меньшинстве.

«Вместо дела я занимался какой-то ерундой! — осуждал он себя за недавнее свое поведение. — Был слепым щенком... Да тут еще какие-то феи и трясущийся в энергетическом припадке Сократ... Хотя чему тут удивляться? Он и при жизни тоже много чудил. Нет... У меня что-то с головой. С ней надо что-то делать. Лечиться надо...»

Философ открыл глаза. Перед ним стоял в своем парадном одеянии сотник личной гвардии правителя Сиракуз Дионисия и протягивал ему свиток с его правительственной печатью.

— Именем закона ты арестован! — громко произнес приезжий из Сиракуз.

Философ обреченно протянул своим тюремщикам руки, на которые тут же были наложены кандалы с тяжелыми цепями. Как раз в это самое время мимо них бодро прошагала траурная процессия — многочисленные родственники доня Леоне торжественно пронесли его погребальные носилки, щедро обкуривая их благовониями. Все плыло в сизом дыму и действительно походило на какую-то мистерию. Философу даже показалось, что когда тело старца пронесли мимо него, покойник будто бы ему многозначительно подмигнул, дескать, не переживай, еще увидимся.

— Вот шельма! — догадался Философ, вспомнив произнесенные ночью слова старца. — Он действительно все предугадал... Точнее, спланировал...

— Повезло вашему поделнику! — указывая на похоронную процессию, произнес сотник. — Старик вовремя дал дуба, а то бы его ждал за его темные делишки осиновый кол правосудия...

— Н... да... Повезло... — охотно согласился с ним незадачливый правитель идеального государства. — Вот про какое жертвоприношение он вчера говорил... — Только сейчас догадался он об истинном смысле происходящего. — Это мы с ним на самом деле два жертвоприношения! Ах, мошенник! И тут всех перехитрил!

Какой-то босоногий мальчуган решительно дернул его за полу туники. Философ машинально нагнулся.

— Дон Леоне просил передать, что он теперь ваш вечный должник... — торопливо прошептал ему посланник и, сунув ему что-то в руки, бесследно исчез в толпе зевак.

Философ не успел и опомниться, как в руке у него оказалась золотая монета номиналом в двадцать пять сиракузских литр, на которой был изображен бюст Аполлона в лавровом венке победителя.

— Да, кстати! — с чувством бесконечного превосходства над ним посмотрел на сотника Философ. — Здесь где-то по округе бродит их семейный киллер... Так что я

и ломаного гроша не дам теперь за вашу жизнь... Будьте бдительны... Его семья теперь вам будет вечно мстить... А эта семья бессмертна...

Р. С. Назначенный из Сиракуз новый градоправитель, разбирая рабочий стол своего предшественника, в его деловых бумагах наткнулся на свиток с заглавием «Законы полиса Корлеоне» и, не читая, швырнул его в огонь.

Законы, не подкрепленные авторитетом власти, горят ярким пламенем под котелком с похлебкой домашнего очага обывателя...

СЕМЕЧКИ

Шел девятый век компьютерной эры.

Высокие технологии вывели человечество в пределы дальнего Космоса и подвели к границам галактики Млечного Пути. Оставшиеся на Земле люди переселились в индивидуальные дома-капсулы (трансформеры) и занимались в основном экологическими проблемами и разведением исчезнувших видов растений и животных. Земля превратилась в цветущий сад. Руины старых городов были законсервированы и отданы на откуп ученых-историков.

Взамен отжившим свой век городам пришли мегаколоссы — стоянки и уединенные фермы для капсул, и каждый выбирал, где ему и с кем по соседству жить и духовно развиваться. Капсула-трансформер обеспечивала комфорт и все жизненные удобства для нормального существования человека. Питаясь энергетическим полем Земли, она могла свободно передвигаться в пространстве планеты, служа еще и безотказным транспортным экологическим средством. Заводившие семьи легко объединяли свои капсулы, несемейные граждане, как и сейчас, вели холостяцкий образ жизни.

Герой нашей истории — молодой нефтяник, работавший над восстановлением некогда варварски разрушенных газонефтяных пластов путем синтеза и закачки обратно в недра этих химических элементов. Его капсула была прикреплена к платформе мини-завода, который производил это сырье в районе, который в древности именовался «Персидским заливом». На заводском корпусе большими алыми буквами был начертан девиз нефтяной отрасли того времени: «Вернем Земле ее утраченную ответственность». Завод работал в автономном режиме, и Электрону Яновичу (так звали героя нашего рассказа) оставалось только следить за тем, чтобы не было никаких сбоев в работе техники.

До того дня все шло по штатному расписанию. Как вдруг случилась та самая непредвиденная ситуация, кардинально изменившая все в его жизни...

В то утро он был в ванной комнате (сидел на унитазе) и скучающе зевал, слушая последние новости. Резкий звук сработавшей на заводе сигнализации заставил его вздрогнуть и завершить прием утренних процедур.

— Кабинет! — скомандовал нефтяник, на ходу натягивая на себя штаны.

Капсула-трансформер тут же трансформировала пространство ванной комнаты в рабочий кабинет с пультом управления.

— Бур наткнулся на неизвестное непреодолимое препятствие, — выдал ему компьютер причину нештатной ситуации. — Требуется принятие решения. Выберите варианты: 1) продолжить работу и 2) приостановить работу.

— Продолжить... — не задумываясь, скомандовал нефтяник.

— Невозможно... — после секундного молчания отвечала техника. — Из центра управления поступила команда, определить природу неизвестного объекта. К вам уже командирован специалист из департамента «Древности»...

Нефтяник схватился за голову — опять эти горе-ученые грозят ему срывом графика его работы! Премияльных в этом квартале теперь не видеть.

Буквально уже через минуту его приборы зафиксировали приближение другой капсулы. Он взглянул и обомлел:

— Это она! — ее капсулу он мог узнать из миллионов других. Он давно хотел к ней пристыковаться, но она как-то всегда умудрялась его изящно обходить. И вот теперь случай сам свел их на жизненных просторах Земли.

— Гостиница! — скомандовал он (трансформер в момент перестроил вокруг него пространство, и он оказался в своей гостиной комнате). — Где-то тут у меня была бутылка шампанского! — стал рыскать по своим шкафам нефтяник и, найдя искомое, вновь дал команду: — Сад! — Трансформер сотворил ему и его домашний садик с клумбами роз и клубничными грядками. — Она любит розы! — начал он рвать в охапку цветы. — Спальня! — решил он прибраться там. — Заправить постель! — велел он роботу-горничной. — На тот случай, если шампанское и цветы на нее подействуют! — с нескрываемой надеждой рассудил он. — Кабинет! — он вновь оказался на своем рабочем месте с бутылкой вина и букетом свежих роз.

Капсула дорогой гостью уже причалила к нему, и на пульте управления возникло ее голографическое изображение.

— Привет! — бодро отработовала прибывшая. — Я Позитрония Эдемовна, специалист по древним цивилизациям. Что тут у вас?

— Добро пожаловать! — приветствовал он ее, протягивая цветы и поправляя на голой шее театральную черную бабочку, заменявшую ему галстук. — Может, выпьем за знакомство? У меня как раз случайно оказалась бутылка прекрасного девятисотлетнего «Советского» шампанского...

— Я на работе не пью! — строго одернула она его, уже входя к нему на борт. — Что тут у вас?

Она тупо уставилась на данные приборов, полностью проигнорировав его преподношения.

— У нас какая-то древняя хрень. Мой бур не может ее взять, что весьма странно для современной передовой техники...

— Скан показывает, что это неприродный яйцевидный объект. Композиционные материалы неземного происхождения. Древнее НЛО? Оно находится в нефтяном слое осадочных пород.

— Мне бы с ней состыковаться и на необитаемый остров лет эдак на триста! — думал тем временем нефтяник, пожирая глазами женские прелести своей собеседницы.

— Объект большой! — продолжала тем временем свои исследования специалист по древностям. — И судя по всему, он в этих слоях находится очень давно... Еще до их зарождения... — а про себя подумала: «Вот сволочь! Пялится на меня и пялится, словно я на конкурс красоты „Мисс Вселенная“ пришла», — а вслух добавила: — Это очень древний объект, не подлежащий пока научной датировке...

— Получается, что это не просто НЛО, а праматерь всех НЛО!

— Сканер показывает, что здесь сбоку у объекта есть какое-то углубление. — Что-то смогла рассмотреть в геометрии НЛО, обратила она его внимание. — Направь туда свой бур. Может, что-то получится...

Он изменил данные буровой установки и ввел новые для ее работы данные.

— Надо бы запросить экологические службы, — напомнил он ей нарушаемую ими инструкцию, запуская вновь работу своего бура.

— Они нам, скорее всего, запретят это делать, — отвечала та. — Поэтому мы это делаем, пока их здесь нет! — В глазах у нее загорелся огонек хулиганского научного азарта.

— Мне тоже нравится хулиганить! — улыбнулся он ей в ответ, а про себя отметил: «Хоть в этом мы сошлись во мнениях...»

Лишь только бур коснулся указанной точки, от него посыпались искры и вновь взвыла сирена, предупреждающая о грядущей аварии. Свет на секунду погас, а когда он вновь появился, он и она испытали на себе ошутимые перегрузки, связанные с телепортацией в иное измерение.

— Мы куда-то проваливаемся! — успел подумать он.

— Ах! — успела всего лишь воскликнуть она, инстинктивно хватаясь за него, как за спасительную соломинку.

— Где мы? — озираясь по сторонам, пытался определиться со своим местоположением нефтяник.

— Объект телепортировал нас в себя, — первой догадалась она. — Мы в его шлюзовом отсеке...

— Говорила мне мама: «Не трожь того, чего не знаешь!» — проговорил он, внимательно разглядывая глухую стену, перед которой стоял их завод.

— Предлагаю отстыковаться от платформы завода и исследовать пространство! — предложила она ему. Он не возражал.

На своих капсулах они обследовали помещение и поняли, что оно цилиндрической формы. Их завод по производству нефти стоял как раз по центру на своих опорах и казался совершенно невредимым.

— Мы в ловушке. Отсюда нет выхода, — практически запаниковала она.

— Точно так же, как не было сюда и входа... — заметил он. — Но мы постучались, и нам открыли. Давай еще раз попробуем постучать. Если хозяева гостеприимные, они нас впустят. У нас мирная миссия. Мы не вооружены...

— Воздух за бортом соответствует норме, — проверила она данные приборов. — Давай выйдем и попробуем вступить в контакт с обитателями этого «дома».

Они собрались духом и вышли. И что? И... ничего. Тишина и полумрак. Ничего не произошло и после того, как они поприветствовали обитателей НЛО и представились сами.

— Они нас не понимают, или игнорируют, или изучают...

— Изучают... — вдруг невесть откуда послышался чей-то голос. — У вас слишком сложный язык. В моей базе данных он отсутствует...

— Ты кто?

— Я — Слово — искусственный интеллект. — ответила им темнота. — Следуйте за мной...

Перед гостями появился какой-то мерцающий огонек, как светлячок в ночи, указывающий им путь. Взявшись за руки, они пошли за ним. Шли, как им показалось, долго, но никуда не сворачивая и не спотыкаясь.

— А теперь вы должны пройти деактивацию и санмедобработку... — потребовал от них Голос, и путешественники прошли через что-то, чего понять не могли, поскольку опять погас свет. — Ну, вот и все. Вы очищены. Можете теперь входить...

Когда появился свет, они увидели прекраснейший сад с буйной растительностью и животным миром. На фоне голубого неба виднелись какие-то горы, а вдали полоска моря.

— Э! Позвольте! — возмущенно воскликнула вдруг она. — А где моя одежда?

Он взглянул на себя и понял, что тоже совершенно наг.

— Одежда, равно как и ваши капсулы с заводом, как инородные элементы удалены обратно на поверхность Земли, — совершенно бесстрастно пояснил им Голос, — точно так же, как ваш аппендикс и камни в почках...

— Ух ты! Спасибо! — воскликнул нефтяник и машинально сорвал с ближайшего от него дерева его широкий лист, чтобы прикрыть им свой выступающий вперед орган. Дерево оказалось фиговым.

— Будешь на меня пялиться, — предупредила его она, — зенки твои бесстыжие на зад натяну! — и она грозно сунула ему под нос свой грациозный и грозный кулачок эмансипации.

— Главное — определиться, где мы находимся, а об этом мы как-нибудь после потолкуем...

Она хотела было ему что-то возразить, как вдруг из соседних кустов послышалось грозное рычание, и через секунду из них вышел здоровенный лохматый лев. Она машинально спряталась за бывшего нефтяника и своими ногтями нервно впиалась ему в спину.

«Это каюк!» — успел подумать он. — Искусственный интеллект! — обратился он к загадочному Голосу. — Это уже не смешно. Уберите зверя...

— Обращайтесь ко мне коротко «ИИ» (Искусственный интеллект)... — предложил ему Голос.

— Да мне плевать, как к тебе обращаться! Убери зверя, а то я за себя не отвечаю...

В ответ ИИ усмехнулся.

— Да, согласен... — признал он свою промашку. — Неудачно пошутил...

Зверь тем временем уже приблизился к незванным гостям и совершенно миролюбиво лизнул нефтяника в коленку.

— Ну, что там? — боясь открывать глаза, поинтересовалась она у него. — Где лев?

— Здесь... И кое-что уже со мною делает... — отвечал тот, с трудом сглатывая вставший в его горле ком.

Лев тем временем действительно уже с ним кое-что делал — он, как маленький домашний котенок, начал тереться об его ноги и даже, как ему показалось, от счастья мурлыкать. Ничего подобного он не видел даже в цирке, куда его в раннем детстве водили родители. После первого шока он испытал второй. Он обернулся, чтобы поведать ей, что на его глазах произошло с грозным хищником, и не узнал ее. Она стояла, держа в руках павлина с распущенным хвостом.

— А у меня вот что есть! — горделиво представила она ему свой новый наряд, прикрывая свою наготу павлиньим хвостом, как веером.

— Блин! — почесал он себе затылок. — Теперь совсем ничего не видно...

— Осмелюсь предупредить, — послышался Голос, — что самец павлина распускает свой хвост перед самками во время брачного ухаживания и спаривания...

— А самка для него — это ты! — открыл он ей глаза на двусмысленные обстоятельства ее поведения.

— Фу!!! — решительно отбросила она от себя птицу и тут же прикрыла свою наготу ладошками. — Ой! Я лучше буду идти позади тебя, — решила она, становясь позади него.

— Тогда на фиг мне этот фиговый лист! — опять усмехнулся он.

— А вы не дадите нам чем-нибудь прикрыться? — попросила она ИИ.

— Зачем? Вы само естество... Стыд в этом месте не живет, потому что здесь нет греха...

— А что это за место? — поинтересовалась она, ногой отпихивая от себя назойливого павлина.

— Древние называли его Эдемом, мы — Колыбелью Жизни...

Путешественники ощутили себя забравшимися на миллионы лет назад в ту самую глубокую допещерную древность, откуда некогда вышли их прародители Адам и Ева. Окружающий их мир был сказочно красив. Он бил отовсюду в глаза своей свежестью, яркостью и совершенством.

— Мир без греха прекрасен... — наслаждаясь открывшимся видом на природу райского места, воскликнул он и в ту же секунду получил удар клювом от ревнивого павлина.

— Но кто вы? — допытывалась у ИИ она. — Откуда вы взялись?

— Миллиард лет назад мимо Земли пролетел астероид, на котором была эта станция — лаборатория жизни, — начал выдавать о себе рабочую информацию ИИ. — Она опустилась в этом районе и взяла пробу земли, воды и воздуха. Прimitивные формы жизни здесь уже были, и лаборатория лишь ускорила процесс их развития с целью доказать, что жизнь во Вселенной развивается по одним и тем же законам. Жизнь — это закономерный итог развития периодической системы химических законов и суммы законов физики, и она может возникнуть в любом уголке Вселенной с благоприятными для этого условиями. Жизнь на Земле — продукт естественного развития. Но вас никто не создавал. Мы лишь ускорили процесс вашей эволюции. Мы лишь сэкономили вам время — то, что должно было случиться за миллиарды лет, случилось за миллионы, а миллионы лет мы уплотнили до тысячи... Вот и все... Но мы никогда не ограничивали свободу воли живого, и живое стало тем, чем оно есть сейчас...

— «Мы!»! «Мы!»! А кто это «мы»?

— Мы — это те, кто познает этот мир и делает его лучше. Мы — хранители лучшего...

— Вы знаете, что такое лучшее? — поинтересовался у ИИ нефтяник. — Это сложный философский вопрос, который пугает человечество с момента его рождения...

— А где это великое «Оно»? — спросила у Голоса она. — Дерево познания добра и зла...

— Оно где-то там. — неопределенно отвечал ИИ. — Им давно никто уже не интересовался. Поэтому тропинка к нему заросла бурьяном. Кроме человека, это дерево познания никому больше не интересно...

— Мы — люди! И нам всегда интересно! Поэтому мы всегда хотим! — чуть застенчиво призналась она ему. — Прости, но человек — самое любопытное существо на свете.

— Из истории Адама и Евы мы знаем, что они вкусили плоды с этого дерева и стали людьми...

— Да, но их из-за этого изгнали из рая... — напомнил ей он.

— И вы надеетесь, что, попробовав второй раз, вы станете сверхлюдьми? — усмехнулся ей в ответ Голос. — Боюсь, что второе изгнание будет полной катастрофой для всего вашего вида...

— Но не сделав это, человек никогда бы не стал человеком, ибо главное в человеке — это его совесть. Не зная добра и зла, не ведая, что хорошо, а что плохо, это совершеннейшее животное никогда не стало бы человеком...

— История о грехопадении — это история появления в человеке совести, — согласился с нею Голос. — Не могу не согласиться с вами в том, что только с появлением совести человек стал самим собой. Вам предстоит стать не просто первыми людьми в новой эволюции человечества, но и вкусить всю тяжесть ответственности за свою свободу. Ведь вы теперь носители абсолютной свободы. Ваша воля свободна. Свобода — это когда можно делать все, что разрешает тебе совесть. В вас она есть, значит, вы свободные люди...

— Так как хотя бы выглядит это дерево? — все не унималась она, не в силах сдерживать порыв своего любопытства.

— Дерево познания напоминает собой ветвистый дуб: ствол — это истина, ветви — это правда, плоды — это знания, а листья — это заблуждение, которое рано или поздно отпадает... И дерево это растет с Небес на Землю...

— А что же тогда корни этого дерева?

— То, что ваш Платон называл миром идей...

— А что же тогда ложь?

— Это ветер, доходящий до бури и сотрясающий это дерево...

- Так вот почему о дураках говорят, что у них ветер в головах свищет...
- Но ветер лжи — дело рук человека... Мы за ложь ответственности не несем. Ложь есть отсутствие истины, точно так же как зло есть отсутствие добра... Ложь и зло — дело рук человеческих... Интеллект без совести — чудовище. Если у человека есть совесть, то зачем ему тогда рай? Совесть заменяет ему райские кущи. Живи по совести, и ты в себе восстановишь утерянный рай.
- А у тебя, ИИ, есть совесть? — все никак не могла она унять свое любопытство.
- Нет.
- Значит, ты чудовище?
- Тоже нет. Мои создатели заложили во мне непреодолимый барьер — запрет на принятие самостоятельного решения, поскольку я не обладаю свободой воли.
- Так кто же вы, хранители лучшего?
- ИИ не уполномочен отвечать вам на этот вопрос.
- Отсутствие в тебе свободы воли делает тебя весьма ограниченным в общении...
- Безопасность превыше всего.
- Ну, и как тут все у вас устроено?
- Наш аппарат работает на топливе, состоящем из компонентов нефти, газа и урана. Но на Земле, когда мы сюда прибыли, был только уран, и нам пришлось запустить проект по созданию углеводородной массы и ждать, когда их запасов будет достаточно для того, чтобы можно покинуть эту планету. Но тут случился девятнадцатый век — человечество изобрело двигатель внутреннего сгорания и начало интенсивно добывать нефть, а затем и газ, и их запасы начали стремительно таять. Нефтяник — главный кровопийца Земли. Ненавижу нефтяников! — с полным презрением произнес ИИ. — Они — главные паразиты Земли!
- Да, но они теперь восстановили эти запасы! — попытался вступить за свою отрасль нефтяник. — Так что зря на них напраслину возводишь...
- Действительно, запасы углеводородов восстановлены, и мы можем теперь лететь на другую планету, — объявил им новость ИИ. — Аппарат заряжен и к взлету готов... Наша следующая цель — планета Зэт в созвездии Икс в галактике Игрек.
- Э... Погодите! Какой такой полет в галактику Игрек!!! — попыталась опротестовать это решение сотрудница департамента древности.
- Уже поздно. Мы уже летим, — бесстрастно отвечал ей ИИ.
- Как летим? Куда летим? — запаниковал теперь уже и он. — Мы так не договаривались.
- Мы вообще ни о чем не договаривались...
- Но это произвол! Это насилие!
- Зато у вас есть прекрасный шанс заново познать Великое «ОНО» — непознанное с древа познания...
- Чего?!
- Для вас хранящаяся во мне информация является великим непознанным. Вы находитесь у истоков нового витка познания...
- Это все, конечно, хорошо и даже очень интересно! — поблагодарил он Голос за совет. — Нам бы еще знать, что именно делать?
- Так делайте то, что хорошо... Это и будет вашей путеводной нитью к благу...

* * *

Следователь по особым делам земной прокуратуры долго изучал собранные им на месте происшествия материалы по делу исчезновения сотрудника нефтяной компании и научного работника департамента древности, изучал и все больше недоумевал:

— Странное дело... — чесал он затылок. — Трусы и лифчик на месте, а самих людей нет... Пошли покупаться и утонули? Но тогда почему нет трупов?.. Завод на месте, капсулы на месте, цветы и даже «Советское» шампанское — все как полагается, а людей и след простыл... Чем я занимаюсь?! — в сердцах воскликнул он. — Вот другие мои коллеги исследуют причины исчезновения запасов нефти и газа! В один момент нефть и газ — бац, и испарились, словно их на Земле никогда и не бывало... А я тут какие-то трусики и лифчики исследую... Ну, что за жизнь! Хотя бы какое-нибудь захудалое НЛО к нам на голову свалилось, что ли...

* * *

Р. С. Через какое-то весьма неопределенное время они сидели на лазурном побережье моря и слушали чаек. Волны прибоя омывали им ноги, а бодрящий бриз путался в их развевающихся волосах. Райский уголок. Мир настолько хорош, что ничего в нем не хочется портить своим несовершенным человеческим творчеством:

— Ну, что... — взглянув на свою спутницу, вздохнул бывший нефтяник. — Этот мир ничуть не хуже нашего... Согласись, все могло бы быть гораздо хуже...

— А что там вещает наш всезнающий Голос? — поинтересовалась она, рассеянно лузгая семечки.

— ИИ давно уже не выходит на связь... Обиделся за то, что я сломал ему «коробку передач»...

— Грубиян! Полагаю, что мы здесь надолго застряли...

— Мы здесь застряли навсегда...

— По всему выходит, что мы здесь новые Адам и Ева...

— Безвариативно... Будем обживать чужие берега...

— Тогда пойдем срывать плоды с древа познания...

— Заметьте, не я вам это предложил... — Улыбнулся он ей в ответ, беря с ее ладони семечки...

Так родилось новое начало... Но это были только семечки...